

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РОССИЙСКИЙ
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ

ЕВРАЗИЯ – ДИАЛОГ КУЛЬТУР

МАТЕРИАЛЫ ДВАДЦАТЬ ВТОРЫХ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЧТЕНИЙ

Санкт-Петербург
2023

О. В. Старостина

Иранские предметы в культуре народов
Средней Азии (по материалам собрания
Российского этнографического музея)

Старостина Ольга Викторовна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии народов Средней Азии и Казахстана, ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук, starostinaov73@mail.ru

Распространение и бытование изделий иранского производства охватывало преимущественно южные приграничные районы проживания туркмен и Бухарского эмирата. В крупных среднеазиатских городах их бытование было ограничено состоятельным сословием (местной знатью, чиновниками, богатыми торговцами).

Среди сельского населения распространение персидских предметов, за исключением текстиля, не фиксируется, что подтверждается свидетельствами собирателей коллекций и данными музейной документации. Помимо иранского текстиля, в традиционном обиходе у узбеков и таджиков встречаются также и предметы утвари, домашнего интерьера, вооружения и др.

Иранские предметы, бытовавшие в традиционной культуре народов Средней Азии, проникли далеко не во все сферы жизни, некоторые из них считались престижными и демонстрировали высокое положение человека в обществе (чалмы, утварь), другие имели статус сакральных (сосуды для подаяний, чаши для гаданий), третьи исполняли декоративную функцию и не применялись по прямому назначению (например вазы для цверов, используемые для хранения денег).

Ключевые слова: иранские товары, Бухарский эмират, текстиль, утварь, оружие, Иран, Средняя Азия.

Средняя Азия и Иран на протяжении длительного исторического периода были связаны политическими, экономическими и межэтническими контактами, что влияло на традиционную культуру народов, столетиями проживавших в непосредственной близости друг от друга. Этнографические источники XIX – начала XX в. позволяют обнаружить следы этих взаимовлияний в материальной культуре таджиков, узбеков, а также туркмен, проживавших в приграничных с Ираном районах. Важным фактором культурных заимствований являлись торговые контакты двух регионов, вопросам истории межрегиональной торговли посвящен ряд трудов¹, авторы которых рассматривают ирано-среднеазиатские торговые отношения в основном на историческом макроуровне, важные для этнографов характеристики традиционного быта остаются вне их поля зрения. В данной статье приводятся сведения о предметах иранского производства, бытовавших на территории Средней Азии у таджиков, узбеков и туркмен. Источниковая база исследования – коллекции Российского этнографического музея (далее РЭМ) и относящаяся к ним документация, а также свидетельства исследователей среднеазиатского региона второй половины XIX – начала XX в. из опубликованных источников.

Сведения о содержании торговли можно почерпнуть из работы «Описание бухарского ханства» Н. К. Ханыкова: «...из Мешеда приходят три редко 4 каравана в год... привозные товары их состоят в бумажных и шелковых изделиях Персии, как например, шали, термаламы и т.д. ...шелей этим путем идет весьма мало, кроме тех которые приготавливаются в Персии и носят вместо кушаков»². О торговле иранской парчой в г. Бухаре сообщает также Е. К. Мейндорф³. Однако, помимо тканей и элементов костюма, в обиходе узбеков и таджиков встречались и другие иранские изделия – предметы утвари, домашнего интерьера, вооружения и др. На способы поступления в регион подобных товаров косвенно указывает И. А. Ремез: «В 1880-х гг. официальная торговля Бухары и Персии была слабо развита, часть ее приходилась на нелегальные пути»⁴. Источником наиболее полной и достоверной информации по вопросу бытования иранских предметов у народов среднеазиатского региона является отчет С. М. Дудина о поездках в Среднюю Азию в 1900–1902 гг.⁵, в котором автор характеризует происхождение, место приобретения и особенности бытования тех или иных предметов. Описывая свою научно-собираческую работу, он отмечал: «Приобретая вещи, я наталкивался каждый раз на вещи не сартовского производства, но тем не менее имевшиеся у них в обиходе. Такими вещами, кроме русских изделий, были и еще персидские, афганские, индийские <...>. Почти все они

составляли непрременную принадлежность настоящего и прошлого быта, как и вещи собственного производства»⁶.

Помимо коллекции С. М. Дудина, в собрании РЭМ встречаются разрозненные слабо аннотированные памятники иранского происхождения из фонда бывшего Музея народов СССР, переданного в РЭМ в 1948 г. Атрибуция данных предметов проводилась на основе сравнительного анализа. В регионе Средней Азии сложилась своя школа медно-чеканного искусства⁷, и несмотря на то, что персидская медь нередко служила образцом для подражания среднеазиатским мастерам⁸, изделия местных ремесленников отличались особыми орнаментальными приемами. Некоторые виды предметов, изготовленные иранскими мастерами, не производились в Средней Азии, другие значительно отличались технологическими приемами и использованными материалами.

Иранские предметы, бытовавшие у народов Средней Азии, использовались далеко не во всех сферах традиционной культуры – некоторые из них имели престижный характер и маркировали высокое положение человека в обществе, другие выполняли символическую функцию и применялись не по назначению, третьи имели сакральный статус. Как упоминалось выше, одним из персидских товаров, продававшихся на среднеазиатских базарах, были различные ткани – парчовые, шелковые и хлопчатобумажные. За исключением парчи, их охотно приобретали, например, туркмены для изготовления повседневной мужской и женской одежды⁹: мужских халатов (РЭМ, 12–99) и рубаш (РЭМ, 12–98, 99), женских платьев (РЭМ, 12–111) и верхней части штанов (РЭМ, 5–11; 12–112, 113). В отличие от тканей собственного производства, иранские ткани, можно предположить, не считались у туркмен престижными.

Хлопчатобумажные полосатые ткани иранского производства пользовались популярностью у малоимущих слоев населения Самаркандской обл., применялись для шитья рубаш, штанов, нижних халатов (РЭМ, 58–238). Возможно, иранские ткани были более выгодны благодаря значительной ширине (66 см), в два раза превосходившей аналоги местного производства.

Одежду иранского изготовления, бытовавшую у населения Средней Азии, отличало видовое разнообразие. Так, туркмены группы *сарык* и *теке*, населявшие пограничные с Ираном области, носили вязаные шерстяные носки персидской работы¹⁰. Чалмы характерного светло-серого цвета с несколькими рядами черных узких полосок на концах считались престижными и модными – такой головной убор носили богатые горожане, а в начале XX в.

его включали в состав мужского свадебного костюма (РЭМ, 59–10; 8762–22056).

Предметы интерьера персидского производства у городского населения Бухарского эмирата считались престижными и служили как для украшения дома, так и в качестве атрибутов свадебного обряда. Ткани, в редких случаях, использовались для изготовления *буджжума* – покрывал для постельных принадлежностей (РЭМ, 243–12/1,2). Гораздо чаще бытовали изделия из меди и дерева. В медно-чеканных шкатулках, украшенных растительно-антропоморфным орнаментом (РЭМ, 22–137; 31–156), или в небольших ларцах, инкрустированных костью и перламутром (РЭМ 8761–13076), хранили деньги, бумаги, украшения. Их помещали в стенные ниши наряду с парадной посудой и другими ценными вещами, например, фигурками животных, покрытыми серебряной и золотой насечкой (РЭМ, 8761–12755, 12756, 12757). Непременной принадлежностью женской половины дома являлись зеркала¹¹, которые орнаментировались костяной и перламутровой инкрустацией, сюжетной росписью по папье-маше и стеклу со сценами на мотивы персидских поэм (РЭМ, 22–135, 136; 242–107, 108; 8761–12043). Помимо своей утилитарной функции, зеркало в традиционной культуре узбеков и таджиков использовалось в обряде первого знакомства жениха с невестой во время свадьбы.

Медную иранскую посуду отличает эпитафический орнамент, заключенный в картуши, а также изображения танцев, застолий, дворцовых приемов; нередко сюжеты терзания хищниками¹². Такие изделия являлись наиболее долговечными, так как могли служить не одному поколению семьи, передаваясь по наследству. Посуда из меди считалась парадной и престижной, ею украшали стенные ниши (РЭМ, 20–188, 189, 190, 191) или особенно торжественные застолья. Обращает на себя внимание разнообразие форм и способов использования предметов: от небольших пиал и чаш для воды (РЭМ, 31–21; 243–144, 145, 147; 244–60; 8761–12139), тарелочек для сладостей (РЭМ, 31–3; 243–140; 8761–12165, 12166), кувшинчиков для хранения мелочей и денег (РЭМ, 31–12, 13; 8761–12090, 12091) до более крупных предметов – подносов (РЭМ, 8761–12155), крышек для плова (РЭМ, 20–177), кувшинов для зачерпывания воды (РЭМ, 20–175), чаш для сладостей и жидкой пищи (РЭМ, 20–69; 243–157; 245–78; 8761–12296). Следует отметить, что небольшие кувшинчики и вазы часто использовали торговцы для хранения денег (РЭМ, 243–121, 123; 244–54, 55, 57).

Большой популярностью в регионе пользовались фонари, представлявшие собой две медные орнаментированные крышки, между которыми по краю была натянута воцеленная бумага (РЭМ, 244–97,

98, 99; 243–176, 177) и небольшие светильники на ножке (РЭМ, 244–105, 106). Известное распространение получили иранские курительные принадлежности (РЭМ, 20–106; 22–144; 1435–38).

Собрание РЭМ документирует и бытование предметов религиозного культа, привезенных из Ирана. Наибольшее распространение получили сосуды для сбора подаяния, использовавшиеся дервишами (РЭМ, 240–120, 121; 2137–1; 8761–12898, 12899, 12900, 12901, 12903, 12904, 12905, 12906, 12907); музейной коллекции этих предметов была посвящена отдельная статья¹³. У горожан, по свидетельству С. М. Дудина, довольно редко, но встречались молитвенные ковры (РЭМ, 20–192) и сосуды для омовений (РЭМ, 243–159) персидской работы¹⁴.

До начала XX в. в лавках г. Бухары перекупщиками велась торговля латами, щитами, холодным оружием¹⁵, среди их товаров нередко встречались иранские предметы. И хотя холодное оружие и защитное вооружение в этот период уже не использовалось, оно находило своих покупателей среди «любителей старины» и антикваров. Однако, благодаря многочисленным картинам В. В. Верещагина, можно утверждать, что еще 1860-х – 1870-х гг. его использовали солдаты армии эмира Бухары. Такого рода памятники также находятся в собрании РЭМ (топор РЭМ, 20–1; шлемы РЭМ, 20–3, 195; доспехи РЭМ, 20–5, 196 и РЭМ, 8761–12915, 12916; щиты РЭМ, 20–4, 194 и 22–56 и 8761–12923; оправы для кинжала РЭМ, 242–113).

Распространение и бытование изделий иранского производства охватывало преимущественно приграничные районы Закаспийской обл. и Бухарского эмирата. В крупных среднеазиатских городах их бытование было ограничено состоятельным сословием (местной знатью, чиновниками, богатыми торговцами). Среди сельского населения распространение персидских предметов, за исключением текстиля, не фиксируется, что подтверждается свидетельствами собирателей коллекций.

¹ Бугаева А. Г. Российско-иранские торговые и дипломатические отношения первой половины XIX в. Автореф. дис. канд. истор. наук. Иваново, 2009. 22 с.; Никонов О. А. Развитие межгосударственных отношений в Азиатско-Каспийском субрегионе в XVIII – XIX вв. Автореф. дис. д-ра истор. наук. М., 2011. 43 с.

² Ханьков Н. К. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843. С. 174.

³ Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М.: Наука, 1975. С. 101.

⁴ Ремез И. А. Внешняя торговля Бухары до мировой войны: Опыт историко-статистич. обзора внешней торговли ханства вне сферы тамо-

женного объединения его с Российской империей. Ташкент: ЦСУ Туркеспублики, 1922. С. 18.

⁵ Отчет С. М. Дудина о поездках в Среднюю Азию в 1900–1902 гг.: с фотографиями С. С. Дудина/Вст.ст. Т. Г. Емельяненко. Российский этнографический музей. М.: Фонд Марджани, 2021.

⁶ Там же. С. 37.

⁷ Среднеазиатские медно-чеканные изделия отличались от иранских как по видовому составу, так и по материалам и технологии.

⁸ Отчет С. М. Дудина о поездках в Среднюю Азию в 1900–1902 гг.: с фотографиями С. С. Дудина/Вст.ст. Т. Г. Емельяненко; Российский этнографический музей. М.: Фонд Марджани, 2021. С. 37.

⁹ Там же. С. 58.

¹⁰ Там же. С. 60.

¹¹ Там же. С. 230.

¹² Там же. С. 235.

¹³ Попова Л. Ф., Старостина О. В. Коллекция сосудов для подаяния среднеазиатских дервишей-календаров в собрании/ Материалы Восемнадцатых Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2019. С. 211–219.

¹⁴ Отчет С. М. Дудина о поездках в Среднюю Азию в 1900–1902 гг. С. 442.

¹⁵ Сухарева О. А. Бухара XIX – начало XX в. (Позднефеодальный город и его население). М.: Наука, 1966. С. 256.

UDC 39

O. V. Starostina

Iranian Items in the Culture of the Peoples
of the Central Asia (Based on the The Russian
Museum of Ethnography's Collection)

Starostina Olga Victorovna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Central Asia and Kazakhstan, leading research fellow, Ph.D. (History); starostinaov73@mail.ru

The distribution and use of Iranian-made products mainly covered the southern border areas of the Turkmen settlements and the Emirate of Bukhara. In large Central Asian cities, their distribution was limited to the wealthy class (local nobility, officials, rich merchants). Among the rural population, the spread of Persian goods, with the exception of textiles, is not recorded, which is confirmed by the information of museum collectors. In

addition to textile goods, in the traditional culture of the Uzbeks and the Tajiks there were also utensils, home interior items, weapons, etc., of the Iranian origin. The Iranian items that existed in the traditional culture of the peoples of Central Asia were not used in all spheres of life, some of them had a prestigious status and demonstrated a high position of their owner, others were used as decorative-applied art objects or were of a sacred cultural status. Persian-made interior items in the traditional culture of the urban population of the Emirate of Bukhara had a high status and were used both for home decoration and wedding ceremonies.

Keywords: Iranian goods, the Emirate of Bukhara, textiles, utensils, weapons, Iran, the Central Asia.

Министерство культуры Российской Федерации
Российский этнографический музей

БОГАТСТВО И ПРЕСТИЖ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

Материалы Тринадцатых Санкт-Петербургских
этнографических чтений

Санкт-Петербург
2014

О. В. Старостина
Знаки престижа в традиционной обуви
таджиков и оседлых узбеков
в конце XIX – начале XX в.

Социальный статус человека в традиционном обществе, определяемый его происхождением, должностью, материальным благосостоянием и полом, подчеркивался в костюме особыми средствами маркировки. Традиционная одежда, в том числе обувь таджиков и оседлых узбеков, была единой по покрою для всех слоев населения; в качестве основных отличительных маркеров, демонстрировавших престижность, выступали крой, материал, количество орнаментации, в редких случаях дополнительные детали кроя.

Наиболее непрестижной обувью считались поршни и сандалии домашнего производства, в отличие от башмаковидных туфель и сапог, изготовлявшихся мастерами-сапожниками. Городские и сельские бедняки носили преимущественно сандалии и поршни различных видов, их изготавливали в условиях домашнего хозяйства из плохо выделанной сыромятной кожи, а иногда и из шкуры головной части барана, при этом шкуру намачивали, надевали на ногу и носили до высыхания, таким образом придавая обуви форму невысокого сапога.

Обувь людей среднего достатка и богатых была покупной, ее нередко шили на заказ, что увеличивало ее стоимость. Она имела достаточно сложный крой (до десятка конструктивных деталей) и, как правило, каблук. Материалом для изготовления подобных туфель и сапог служила кожа и замша хорошей выделки, шагрень, а также бархат, сукно, шелк, парча. Характерной особенностью такой обуви являлась полихромность. Сапоги и туфли шили из разноокрашенных материалов, орнаментация всегда была обильной, ее дополняли кисти, яркие канты, накладки из серебра и других металлов.

В мужском костюме оседлого населения среднеазиатско-казахстанского региона бытовал особый вид сапог *муза* с серповидными каблуками для верховой езды, которые также являлись маркером высокого социального положения в обществе. Эту обувь шили из шагрени или юфти мастера-сапожники, специализировавшие-

ся на изготовлении только таких сапог, которые стоили на рынках Средней Азии дороже всех остальных видов. У равнинных и горных таджиков, заимствовавших *муза* у кочевых тюркских племен они стали популярны как знак принадлежности к высшему сословию.

Некоторые отличительные социальные особенности можно выделить прежде всего в обуви, принадлежавшей высшей аристократии. Ее отличал материал или, в редких случаях, некоторые дополнительные орнаментальные детали. Так, при изготовлении сапог для узбекского хана и его родственников¹ использовали полукруглый, черный кусок кожи, который нашивался на раструб голенища, образуя широкий отворот.

Показателем высокого социального статуса в традиционном обществе являлось также использование для орнаментации обуви золотной и серебряной нитей. Во второй половине XIX в. золотошвейная обувь, также как и одежда, могла принадлежать только эмиру, членам его семьи² и тем, кому было пожаловано это право, т. е. чиновникам разного ранга. В конце XIX в., в связи с ослаблением местной власти запреты на использование данных материалов стали игнорироваться местным населением и золотошвейная обувь начала появляться в костюме богатых горожан.

Помимо золотной и серебряной нитей престижными материалами являлись бархат, шелк, шагрень, парча, сукно. Богатые мужчины и женщины, жившие в городах, носили *кавуш кундал* – туфли из парчи. Популярными среди данных слоев населения в Ферганской долине и Бухарской обл. были *кавуш* и *махси уроки* – туфли и мягкие сапожки, сплошь расшитые полшелковыми нитями и созданные мастерами из Шахрисябса³. Мягкие сапоги *махси* делали только из дорогостоящих материалов хорошего качества. Они имели достаточно сложные фигурные детали, поэтому их изготовлением занимались сапожники, специализировавшиеся на шитье *ичигов*. Этот вид обуви наиболее широко был распространен среди зажиточного городского населения, дехкане заменяли его менее престижными поршнями.

Ремесленники и торговцы, жившие в городах, носили сапоги *муза* на прямом каблуке. Среди сельского населения такая обувь, изготовленная из хорошо выделанной кожи, считалась маркером высокого социального статуса и входила в костюм местной аристократии. У оседлых народов региона для изготовления *муза* использовали широкий ассортимент материалов и способов орнаментации. Например, помимо кожи всевозможных цветов, применяли парчу, шагрень и даже шелк. Городские сапожники владели техниками инкрустации, мозаики, аппликации, которые использовали при шитье сапог. Хотелось бы отметить, что определенным

маркером престижной обуви являлось наличие подкладки, которую делали из тонкой кожи, шелка или меха.

Уже само наличие в костюме обуви могло демонстрировать престижное положение человека в обществе. В традиционной семье дети примерно до пяти лет не имели обуви и ходили босиком. Однако существовали и исключения, которые определялись социальным статусом семьи ребенка. Так, отпрыски семьи эмира начинали носить обувь приблизительно с годовалого возраста, именно тогда правитель демонстрировал наследника народу. Ребенок сидел на коне впереди отца, одетый в сапоги *муза*, с острыми носами и серповидными каблуками.

В бедных семьях нередко даже взрослые не имели летней обуви и ходили босиком, а зимой надевали грубые самодельные поршни. В таких семьях женщины и дети обуви практически не носили. В семьях среднего достатка обувь покупали только мальчикам, помогавшим отцу по хозяйству при верховом выпасе скота или работах в поле. Девочки же надевали свою первую пару обуви только в девять – двенадцать лет, то есть по достижении возраста невесты. Наличие у девочки или молодой девушки сапожек и башмаков демонстрировало материальную обеспеченность семьи и, следовательно, привлекало богатых женихов.

Помимо традиционных маркеров, определявших престижность обуви, на рубеже XIX – XX вв. появились и два новых критерия. Первый из них – это производитель материалов и товаров. Включение в состав костюма народов Средней Азии новых материалов и видов одежды началось с момента присоединения ее к Российской империи. С последней трети XIX в. огромную популярность среди оседлых узбеков и таджиков приобретают сапоги, изготовленные из кож российского производства, имевшие ряд преимуществ по сравнению с местной обувью. Их отличала прочность материала и отличная выделка. Следует отметить, что и ранее российские кожи поступали на рынки региона и являлись очень престижным видом материала, однако объем торговли был ограниченным, и обувь, сшитая из привозных русских кож, была редкостью.

Во второй половине XIX в. в крупных ремесленных центрах Средней Азии работали немногочисленные татарские сапожники. Для орнаментации они использовали технику цветной кожаной мозаики, являвшуюся для них традиционной. *Махси* татарской работы, не отличавшиеся по покрою от среднеазиатских, благодаря качеству изготовления и яркому оформлению, были популярны среди части зажиточного населения Ферганской долины. В начале XX в. *казани махси*, сшитые из кусочков разноцветного сафьяна,

стали в большом количестве привозить в Среднюю Азию из Казани⁴, они вошли в костюм более широких слоев горожан.

Еще одним критерием престижности обуви в городской среде стало соответствие моде. Присоединение региона к России, произошедшее во второй половине XIX в., явилось значимым фактором, изменившим некоторые традиционные формы обуви. В культуру оседлых среднеазиатских народов вошло такое явление, как мода, не свойственная более раннему периоду. В городах фасоны одежды и обуви стали стремительно сменять друг друга. Как отмечала О.А. Сухарева, за короткий период, с конца XIX до первых десятилетий XX в. костюм региона претерпел более глубокие изменения, чем в течение несколько предыдущих столетий⁵. Так, в конце XIX в. среди горожанок распространилась мода на лакированную кожу, и одним из центров шитья лакированной обуви стал Самарканд. Мягкие сапожки *махси* стали изготавливать из лакированной кожи российского производства, а сама обувь получила название *махси америкон*, т. е. «американские сапожки». Вплоть до 30-х гг. XX в. пятку этих сапожек украшали традиционной зеленой вставкой из шагрени, которая играла роль оберега. В первом десятилетии XX в. в городскую моду вошли галоши на низком широком каблуке, называемые *казонча*. Появление этого вида обуви было связано с влиянием культуры казанских татар, которое после присоединения Средней Азии к России было особенно сильным⁶.

Таким образом, признаками престижности обуви у таджиков и оседлых узбеков в конце XIX – начале XX в. служили несколько показателей. В традиционной культуре основными знаками высокого социального статуса являлись дорогие материалы, полихромность, богатая орнаментация, а для детей и само наличие обуви в костюме. На рубеже XIX–XX вв. появляются и два новых маркера – соответствие моде и использование импортных материалов, которые также воспринимались как признаки богатства и значительного положения в обществе.

¹ Ибрагимов И. Некоторые заметки о хивинских киргизах и туркменах. Из записной книжки // Военный Сборник. 1874. Т. LVXIII. Отд. I. С. 154.

² Сухарева О.А. Позднефеодальный город Бухара. Ташкент, 1962. С. 110.

³ Ершов Н.Н. Каратаг и его ремесла. Душанбе, 1984. С. 108.

⁴ Ершов Н.Н., Широкова З.А. Альбом одежды таджиков. Душанбе, 1969. С. 9.

⁵ Сухарева О.А. История Среднеазиатского костюма. Самарканд (2-ая половина XIX – начало XX в). М., 1982. С. 11.

⁶ Там же. С. 67.

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

МУЗЕЙ ТРАДИЦИИ ЭТНИЧНОСТЬ

№ 1 (7)

Санкт-Петербург
2015

Знаки престижа в традиционной обуви народов Средней Азии и Казахстана (конец XIX – начало XX века)

ОЛЬГА ВИКТОРОВНА СТАРОСТИНА

Российский этнографический музей, Санкт-Петербург

Кандидат исторических наук, научный сотрудник ведущей категории, отдел этнографии Кавказа, Средней Азии и Казахстана
e-mail: StarostinaOV73@mail.ru

В статье рассматриваются особенности традиционной обуви народов Средней Азии и Казахстана, которые являлись маркерами социального статуса человека и его материального положения.

Ключевые слова: традиционный костюм, виды обуви, маркеры престижа, выражение социального статуса.

UDC 39

Symbols of Prestige in Traditional Footwear of Peoples of Central Asia and Kazakhstan (Late XIXth – Early XXth Centuries)

OLGA V. STAROSTINA, PhD (History)

Senior researcher, high level academic specialist, Department of Ethnography of the Peoples of the Caucasus, Central Asia and Kazakhstan
Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia
e-mail: StarostinaOV73@mail.ru

The article presents the features of the traditional footwear of peoples of Central Asia and Kazakhstan, which were the markers of social status and financial situation.

Key words: traditional costume, footwear types, markers of prestige, expression of the social status.

Традиционный костюм, являвшийся сложной знаковой системой, выражал не только этническую и половозрастную характеристики человека, но и демонстрировал его социальный и имущественный статус в обществе. Этот статус определялся происхождением, должностью, материальным благосостоянием и полом и подчеркивался особыми средствами маркировки.

Обувь народов среднеазиатско-казахстанского региона была единой по крою для всех слоев населения. В качестве ее отличительных маркеров, подчеркивавших престижность, выступали крой, материал, количество орнаментации.

В некоторых случаях престижное положение человека в обществе определялось наличием в костюме обуви. Узбеки и таджики, проживав-

шие в сельской местности, а также бедные скотоводы (казахи, киргизы, туркмены, каракалпаки) нередко имели всего одну–две пары обуви на всех членов семьи, а летом ходили босиком. Покупка сапог или туфель из качественной кожи была значительной тратой, поэтому обувь изготавливали на дому из сыромятной кожи. В бедных семьях нередко даже взрослые не имели летней обуви и ходили босиком, а зимой надевали грубые самодельные поршни. В таких семьях женщины и дети обуви не носили.

В семьях среднего достатка дети примерно до пяти лет обуви также не носили. Однако существовали и исключения, которые определялись социальным статусом семьи ребенка. Так, отпрыски семьи эмира начинали носить обувь примерно с годовалого возраста, именно в этот период правитель демонстрировал наследника народу. Ребенок сидел на коне, впереди отца, одетый в сапоги *муза* с острыми носами и серповидными каблучками. Коллекция Российского этнографического музея располагает несколькими парами обуви для детей от одного до трех лет. Все эти сапоги и башмаки принадлежали детям из богатых и знатных семей и не отличались по крою и орнаментации от взрослой обуви.

В семьях среднего достатка мальчику покупалась, а чаще изготавливалась на дому, обувь с того момента, когда он начинал помогать отцу по хозяйству, например, при верховом выпасе скота или работах в поле. Этот возраст у разных народов среднеазиатско-казахстанского региона колеблется от пяти до семи лет. Девочки же надевали свою первую пару обуви только в девять–двенадцать лет, то есть по достижении возраста невест и перехода в третью возрастную группу. Наличие у молодой девушки сапожек и башмаков демонстрировало материальную обеспеченность семьи и, следовательно, привлекало богатых женихов.

В среднеазиатско-казахстанском регионе бытовали три основных вида обуви: сандалии, поршни и башмаковидная обувь. Разные социальные слои населения предпочитали носить те или иные виды. Это зависело от того, имеет ли человек возможность покупать обувь или же вынужден изготавливать ее на дому, каким количеством и качеством сырья он располагает. Самые бедные скотоводы и земледельцы носили в качестве летней обуви сандалии. Они входили в костюм тюркских народов региона: казахов, киргизов, каракалпаков и туркмен. Сандалии считались непрестижной обувью, так как носили их преимущественно осевшие кочевники, занимавшиеся земледелием и рыболовством, что, согласно традиционным представлениям, являлось «не благородным» занятием¹. Подоб-

ный вид обуви бытовал также и в соседних регионах, таких как северо-восточный Иран, Афганистан, Пакистан и Северная Индия, и входил в костюм всех слоев населения; социальные различия проявлялись в качестве материала и количестве украшений (кисточек из серебряной канители, полудрагоценных камней и пр.). Вероятно, для оседлого населения соседних регионов сандалии не воспринимались как непрестижная обувь.

Наиболее распространенным видом обуви среди бедняков и людей среднего достатка являлись поршни различных видов, которые изготавливались, преимущественно, в условиях домашнего хозяйства из плохо выделанной сыромятной кожи. В некоторых районах Средней Азии были распространены несшитые поршни, изготовленные из шкуры, целиком снятой с головной части барана. Шкуру предварительно намачивали, надевали себе на ногу и носили до высыхания; таким образом она приобретала форму невысокого сапога. Как отмечали ряд исследователей, в конце XIX – начале XX века такие поршни входили в костюм бедняков наиболее экономически отсталых районов региона, в которых проживали каракалпаки², южные киргизы³ и припамирские народности⁴.

В Средней Азии и Казахстане бытовали восемь различных по крою вариантов поршней. Преимущественно они были распространены среди сельского населения и городской бедноты, но встречались также и в костюме обедневших скотоводов. Однако поршни в некоторых случаях могли использовать и люди среднего достатка. Функционально они являлись рабочей обувью или выполняли защитную роль для более изящных и дорогих видов сапог и туфель: в непогоду ее надевали поверх престижной обуви (например, мягких кожаных сапожек), чтобы обезопасить последнюю от грязи и повреждений.

В отличие от представлений большинства народов региона о поршнях как об обуви для людей низкого социального статуса, среди туркмен отношение к ним было иным. Для туркмен различных племенных объединений, напротив, данная обувь являлась признаком достатка и высокого социального положения. Ее изготавливали мастера-сапожники из хорошо выделанной красно-коричневой кожи и украшали обильным тисненым орнаментом в виде спиральных завитков, звездочек и кружков, на поршни нашивали кожаные или шерстяные кисточки. Наиболее дорогими и, следовательно, престижными считались низкие поршни *чорык*, изготовлявшиеся в г. Хиве узбекскими мастерами-сапожниками, которые носили только богатые

скотоводы⁵. Поршни *чокой* работы мастеров г. Мерва, изготовленные из хорошо выделанной кожи (в основном привозной) желтого или красно-коричневого цвета и украшенные тисненым орнаментом в виде округлых завитков, линий и кругов, входили в состав праздничного мужского туркменского костюма⁶.

В отличие от сандалий и поршней башмаковидная обувь считалась более престижной. Она входила в состав праздничного, свадебного и траурного костюмов, выступала в качестве подарка жениху или подмастерья мастеру, во время обряда посвящения в мастера. Обувь людей среднего достатка и богатых была покупной, ее нередко шили на заказ, что увеличивало ее стоимость. Она имела достаточно сложный крой (до десятка конструктивных деталей) и, как правило, каблук. Материалом для изготовления подобных туфель и сапог служили кожа и замша хорошей выделки, шагрень, а также бархат, сукно, шелк, парча. Характерной особенностью такой обуви являлась полихромность. Сапоги и туфли шили из разноокрашенных материалов, орнаментация всегда была обильной и дополнялась кистями, яркими кантами, накладками из серебра и других металлов.

Наиболее широкое распространение среди оседлого населения Средней Азии – узбеков и таджиков – получили туфли *кавуш*, имевшие несколько вариантов кроя и изготавливавшиеся из различных материалов, в зависимости от материальных возможностей заказчика. Самыми дорогостоящими были *кавуш*, союзка которых была изготовлена из бархата, зашитого золотой и серебряной нитями. Во второй половине XIX века золотошвейная обувь, так же, как и одежда, могла принадлежать только эмиру, членам его семьи⁷ и тем, кому было пожаловано это право, т.е. чиновникам разного ранга. В конце XIX века, в связи со снижением роли местной власти, запреты на использование данных материалов стали игнорироваться местным населением, и золотошвейная обувь начала появляться в костюме богатых горожан.

Туфли торговцев и ремесленников изготавливались из различных сортов кожи (юфть, шагрень, замша и т.д.). Помимо золотой и серебряной нитей престижными материалами для изготовления обуви являлись бархат, шелк, шагрень, парча, сукно. Богатые мужчины и женщины, жившие в городах, носили *кавуш кундал* – туфли из парчи. Популярными среди данных слоев населения в Ферганской долине и Бухарской области были *кавуш* и *махси цроки* – туфли и мягкие сапожки, сплошь расшитые полупелюшечными нитями работы мастеров из Шахрисабза⁸.

В традиционный женский и мужской костюм туркмен различных родоплеменных групп входили туфли с восьмеркообразной подошвой на каблуке-танкетке *гырма кауш*. Отличительной чертой такой обуви были различные орнаментальные приемы: крупные тисненные спиралевидные узоры сочетались с металлическими заклепками и дополнялись кисточками из кожи, шелка, серебряной канители. Такая обувь изготавливалась в ремесленных центрах долины Амударьи или северо-восточного Ирана. Стоимость *гырма кауш* была достаточно высока даже для богатых скотоводов, поэтому носили ее по праздникам и на свадебные церемонии⁹.

Отличительной особенностью казахских кожаных туфель *кебис*, входивших в состав костюма богатых скотоводов-кочевников, являлся высокий (до 10 см) тонкий каблук. Они были очень удобны для верховой езды, так как жесткая подошва, загнутый носок и серповидный каблук фиксировали ногу в стремени, что облегчало управление лошастью. Таковую обувь носили все возрастные группы, исключая пожилых людей. Она украшалась крупными серебряными бляшками, которые являлись маркером престижа.

На территории среднеазиатско-казахстанского региона бытовал еще один вариант глубоких туфель на серповидном каблуке, которые считались престижной обувью. Данная обувь входила в состав женского и мужского костюма узбеков, казахов, киргизов, долинных и горных таджиков. Она изготавливалась из различных материалов, выбор которых зависел от социального статуса заказчика обуви: например, кожаные туфли носили преимущественно богатые скотоводы или ремесленники, а золотошвейные изготавливались только для эмира и его приближенных. Такая обувь использовалась для верховой езды и надевалась с войлочными чулками или мягкими кожаными сапожками.

У народов Средней Азии и Казахстана существовали и особые «большие, с разными вышивками сапоги, с острыми, загнутыми крючком кверху носами и <...> высокими и неловкими каблуками»¹⁰, называвшиеся у оседлого населения *муза*, а среди кочевников – *етик*. Сапоги с серповидными каблуками, предназначавшиеся для верховой езды, были маркером высокого имущественного положения. Эту обувь шили из шагрени или юфти мастера-сапожники, специализировавшиеся на изготовлении только данного вида сапог, который стоил на рынках Средней Азии дороже всех остальных видов. У долинных таджиков они стали популярны как знак «принадлежности» к высшему сословию, так как среди местной аристократии и чиновни-

чества высшего ранга данная обувь была частью костюма. Таким образом простые горожане могли подчеркивать свое материальное благосостояние среди соседей и знакомых. Кроме того, *муза* надевались во время *байги* – традиционной конной игры с тушей козла, устраиваемой по случаю больших религиозных и семейных праздников.

Еще одним вариантом обуви среди элитарных слоев казахского и киргизского населения считались сапоги на прямом высоком каблуке, на поверхность которых прикрепляли серебряные пластины со штампованным или гравированным орнаментом. Сапоги аналогичного кроя, но орнаментированные кожаной аппликацией, выступали в качестве повседневной обуви для мужчин и женщин.

Ремесленники и торговцы, жившие в городах, носили сапоги *муза* на прямом каблуке. Среди сельского населения такая обувь, изготовленная из хорошо выделанной кожи, считалась маркером высокого социального статуса и входила в костюм местной аристократии. У оседлых народов региона для изготовления *муза* использовали широкий ассортимент материалов и способов орнаментации. Например, помимо кожи всевозможных цветов, применяли парчу, шагрень и даже шелк. Городские сапожники владели техниками инкрустации, мозаики, аппликации, которые использовали при шитье сапог. Хотелось бы отметить, что определенным маркером престижной обуви являлось наличие подкладки, которую делали из тонкой кожи, шелка или меха.

Некоторые социально маркирующие особенности можно выделить прежде всего в обуви, принадлежавшей высшей аристократии. Ее отличали материал или, в редких случаях, некоторые дополнительные орнаментальные детали. Так, например, в Хиве при изготовлении сапог для хана и его родственников¹¹ использовали полукруглый, черный кусок кожи, который нашивался на раструб голенища, образуя широкий отворот.

Туркмены покупали сапоги у мастеров-узбеков в г. Хиве, которые шили обувь согласно этническим предпочтениям этого народа. Особенности такой обуви были более высокая, закрывающая колено, передняя часть голенища, а также инкрустация поверхности сапог белым замшевым шнуром. Орнамент представлял собой крутые завитки и геометризованные фигуры и дополнялся длинными кисточками, прикрепленными к голенищу. Эти сапоги носили также зажиточные каракалпаки, жившие близ Хивинского оазиса¹². Богатые туркменско-узбековеды, желая подчеркнуть свой высокий

статус, носили нарядные сапоги с высоким каблуком из тонкой красной кожи хорошего качества, которые привозили из северо-восточных районов Ирана¹³.

В Хивинском оазисе изготавливали сапоги без каблука *хива етик*, бытовавшие в костюме казахов, каракалпаков и узбеков. Они шились из хорошо выделанной кожи или замши профессиональными сапожниками и также демонстрировали хорошее материальное положение владельцев.

В традиционный костюм народов Средней Азии и Казахстана входили также мягкие сапожки, которые считались обрядовой обувью. Этот вид обуви наиболее широко был распространен среди зажиточного городского населения, сельские жители заменяли его менее престижными поршнями. Их полагалось надевать во время брачных церемоний, похорон, во время молитвы. В повседневной жизни они могли служить маркером достатка семьи. Такие сапоги, не имевшие жесткой подошвы и каблука, известные в регионе под названием *махси*, *маасы*, *мэси*, шились только из дорогостоящих материалов хорошего качества и украшались сложными фигурными деталями, поэтому их изготовлением занимались сапожники, специализировавшиеся только на шитье данного варианта обуви. Их орнаментация и цвет зависели от городского центра и местных традиций в оформлении данной детали костюма. Маркировка престижа также была разнообразна и отражала традиционные представления населения того или иного локального культурного центра. Наиболее разнообразными с этой точки зрения были мягкие сапожки оседлых народов среднеазиатско-казахстанского региона.

Крупнейшим обувным центром являлся Ташкент, где *махси* изготавливались из черной или красной кожи с пяткой из зеленой шагрени. Такая обувь широко бытовала не только в Узбекистане, но также в Киргизии и Казахстане. Казахи и киргизы, в основном, покупали обувь в Семиречье, где продавались товары ташкентских ремесленников, но небольшое количество мягких сапог изготавливалось и местными мастерами, например, праздничная женская замшевая обувь, инкрустированная кожаным шнуром. Казахские сапожники украшали праздничные *маасы* вышивкой, кожаной аппликацией, серебряными узорными пластинками¹⁴.

Разнообразные материалы и приемы орнаментации применяли мастера Бухарского оазиса, но, безусловно, самой известной была золотошвейная обувь. Шахрисабзские *махси*, бытовавшие в среде высшей аристократии, изготавли-

лись из бархата и были сплошь зашиты шелковыми нитками.

Наиболее своеобразным являлся костюм узбеков Хорезма, в нем отразились как древние традиции кроя и орнаментации, так и многочисленные иноэтнические наслоения. Здесь изготавливали невысокие сапожки из красного сукна *кызыл мааси*¹⁵, в соединительные швы которых вставляли тонкие кожаные шнуры, верхнюю часть союзки украшали кожаной мозаикой. Такая обувь считалась непременной деталью костюма невесты и молодухи, которая демонстрировала состоятельность ее семьи.

Самаркандские сапоги шили из разноцветной кожи и бархата, украшая *махси* золотым и серебряным шитьем. Такие сапожки изготавливали практически на всей территории Таджикистана. Крупными обувными центрами были гг. Куляб, Гарм, Каратаг, Исфара и др. Как свидетельствуют источники, на территории Горного Таджикистана этот вид обуви распространился не ранее второй половины XIX века¹⁶ и из-за высокой цены бытовал только среди зажиточного населения.

Среди туркмен *махси* этого вида бытовали в пределах Хивинского оазиса, они были заимствованы у узбеков¹⁷ и покупались только богатыми скотоводами.

Мягкие сапоги не являлись уличной обувью, обычно в них ходили по дому или молились в мечети, при выходе на улицу на них надевали туфли *кавуш*, которые по орнаментации и цвету нередко соответствовали *махси* и изготавливались в одной мастерской.

Помимо традиционных маркеров, определявших престижность обуви, на рубеже XIX–XX веков появились и два новых критерия. Первый из них – это производитель материалов и товаров. Вхождение в состав костюма народов Средней Азии новых материалов и видов одежды началось с момента присоединения ее к Российской империи. С последней трети XIX века огромную популярность среди оседлых узбеков и таджиков, а также казахов приобретают сапоги, изготовленные из кож российского производства, имевшие ряд преимуществ по сравнению с местной обувью. Их отличала прочность материала и отличная выделка. Следует отметить, что и ранее российские кожи также поступали на рынки региона и являлись очень престижным видом материала, однако объем торговли был ограниченным, и обувь, сшитая из привозных русских кож, была редкостью.

Во второй половине XIX века в крупных ремесленных центрах Средней Азии работали немногочисленные татарские сапожники. Для

орнаментации они использовали технику цветной кожаной мозаики, являвшуюся для них традиционной. *Махси* татарской работы, не отличавшиеся по покрою от среднеазиатских, благодаря качеству изготовления и яркому оформлению, были популярны среди части зажиточного населения Ферганской долины. В начале XX века *казани махси*, сшитые из кусочков разноцветного сафьяна, стали в большом количестве привозить в Среднюю Азию из Казани¹⁸, и они вошли в костюм более широких слоев горожан.

Еще одним новым социальным маркером в городской среде стало понятие «модный», а значит престижный. Присоединение региона к России, произошедшее во второй половине XIX века, явилось значимым фактором, изменившим некоторые традиционные формы обуви. В культуру оседлых среднеазиатских народов вошло такое явление, как мода, не свойственная более раннему периоду. В городах фасоны одежды и обуви стали стремительно сменять друг друга. Как отмечала О.А. Сухарева, за короткий период, с конца XIX до первых десятилетий XX века, костюм региона претерпел более глубокие изменения, чем в течение нескольких предыдущих столетий¹⁹. Так, например, в конце XIX века среди горожанок распространилась мода на лакированную кожу, и одним из центров шитья лакированной обуви стал Самарканд. Мягкие сапожки *махси* стали изготавливать из лакированной кожи российского производства, а сама обувь получила название *махси америкон*²⁰, т.е. «американские сапожки». Вплоть до 1930-х годов пятку этих сапожек украшали традиционной зеленой вставкой из шагреня, которая играла роль оберега. В первом десятилетии XX века в городскую моду вошли галоши на низком широком каблучке, называемые *казонча*. Появление этого вида обуви было связано с влиянием культуры казанских татар, которое после присоединения Средней Азии к России было особенно сильным²¹.

Цветовые особенности, также отражавшие имущественный статус владельца обуви, различались у народов Средней Азии и Казахстана. Так, например, богатые туркмены носили обувь темно-коричневого и темно-красного цветов²², а для обуви долинных таджиков и узбеков характерным являлось использование при шитье нескольких ярких цветов. Орнаментация обуви, которую носили более зажиточные люди, была всегда обильней, чем у небогатых, и дополнялась кистями, накладками из серебра и других металлов.

Таким образом, престижность обуви выражалась несколькими признаками. Основными маркерами высокого социального статуса и значительного имущественного состояния в традиционной культуре являлись дорогие материалы, полихромность, богатая орнаментация, а для

детей – и само наличие обуви в костюме. На рубеже XIX–XX веков появляются и два новых фактора – мода и импортные материалы, использование которых также воспринималось как признак богатства и значительного положения в обществе.

¹ Захарова И.В., Ходжаева Р.Д. Казахская национальная одежда XIX – начала XX века. – Алма-Ата, 1969. – С. 129.

² Этнография каракалпаков XIX – начала XX века. Материалы и исследования. – Ташкент, 1980. – С. 78.

³ Антипина К.И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. – Фрунзе, 1962. – С. 231.

⁴ Рассудова Р.Я. Материалы по одежде таджиков верховьев Зеравшана / Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Сборник МАЭ. – Л., 1980. – С. 27.

⁵ Исследования по этнографии туркмен. – Ашхабад, 1965. – С. 36.

⁶ Морозова А.С. Традиционная народная одежда туркмен / Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1979. – С. 56.

⁷ Сухарева О.А. Позднефеодальный город Бухара. – Ташкент, 1962. – С. 110.

⁸ Ершов Н.Н. Каратаг и его ремесла. – Душанбе, 1984. – С. 108.

⁹ Овезбердыев К. Материалы по этнографии туркмен-сарыков / Труды ИИАЭ АН Туркменской ССР. – Ашхабад, 1962. – С. 141.

¹⁰ Харузин А.Н. Очерки Зауральской степи и Внутренней, или Букеевской орды. – М., 1859. – С. 56.

¹¹ Ибрагимов И. Некоторые заметки о хивинских киргизах и туркменах. Из записной книжки / Военный сборник. – 1874. – Т. LVXIII. – Отд. I. – С. 154.

¹² Морозова А.С. Традиционная народная одежда туркмен. Указ. соч. – С. 57.

¹³ Исследования по этнографии туркмен... Указ. соч. – С. 36.

¹⁴ Казахи. Историко-этнографическое исследование. – Алматы, 1995. – С. 157.

¹⁵ Сазонова М.В. Женский костюм узбеков Хорезма / Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1979. – С. 102.

¹⁶ Кисляков Н.А., Писарчик А.К. Таджики Каратегина и Дарваза. – Вып. II. – С. 127.

¹⁷ Морозова А.С. Традиционная народная одежда туркмен. Указ. соч. – С. 57.

¹⁸ Ершов Н.Н., Широкова З.А. Альбом одежды таджиков. – Душанбе, 1969. – С. 9.

¹⁹ Сухарева О.А. История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-ая половина XIX – начало XX в.). – М., 1982. – С. 11.

²⁰ Там же. – С. 16.

²¹ Там же. – С. 67.

²² Морозова А.С. Традиционная народная одежда туркмен... Указ. соч. – С. 56.